

«Этот сумрачный белёсый свет...»

рассказ

Сергей Богданов, конечно, был влюблён в Алёнку. А той... нравился Юрка Лисочкин. Лисочкин же никого пока не любил, но был не прочь поухаживать за кем угодно. Так, для тренировки, как со штангой. По кому сох Вовка Спивак, никто не знал. Но то, что он был влюблен, это точно. Все, кому не лень, обсуждали, почему это Богданов так часто краснеет. Причём чаще всего, когда его вызывают к доске или просто поднимают с места, то есть, когда внимание обращено именно на него. Ну, вряд ли это происходит от того, что он, как обычно, ничего не учил и теперь выкручивается на тройку... Наверное, в этот миг посмотрит Она и всё увидит... Другие ничего не поймут, а Она догадается.

В субботу уроки закончились раньше. Не было математики, последней по расписанию. Все радовались, что математичка заболела, а Алёнка, наверное, больше всех. Она просто ненавидела как алгебру, так и саму учительницу. У неё, у отличницы, впервые за все школьные годы в третьей четверти начинала вырисовываться четвёрка. По алгебре. За последний месяц её дважды вызывали к доске решать задачи и дважды ставили четвёрку. Явный перебор.

Алёнка с видимым удовольствием собрала свой маленький сиреневый портфель, и уже было направилась к выходу из школы. Она наклонилась, чтобы затянуть развязавшийся узел на зимних ботинках и мельком, будто шпион, взглянула в сторону большой деревянной скамьи около входа в школу. Там всегда в конце уроков стоял Серёжка. В этот раз он тоже был на месте, смотрел на неё и чего-то ждал. Это было написано большущими буквами прямо у него на лбу.

- Серёжа! Пойдем, прогуляемся. Проводишь меня? - громко сказала Алёнка, подзывая Богданова рукой.

- Пошли, - подчёркнуто безразлично произнёс Богданов. - Сейчас догоню.

Он дождался, когда Алёнка прошла вперед, и быстренько направился за ней. То ли не хотел, чтобы видели, как он за ней ухлестывает, то ли ей демонстрировал, что не так уж ему это и нужно: таскаться за тридевять земель... Но одно только вот это «Серёжа» в её устах, а не привычное с первого класса «Богдаша», уже вызывало в нём трепет, красные от лёгкого мороза щёки стали совершенно пунцовыми.

Так или иначе, но через минуту они уже шли вместе и нельзя сказать, что в сторону её дома. Он молчал. Она - тоже. Он нёс её портфель, а свой часто оставлял в классе, чтобы не носить его туда-сюда. Домашнее задание всё равно делал в школе, прямо перед уроками.

«Ну, нельзя же всё время молчать! Нужно что-то говорить...», - в отчаянии думал Серёга. «А чего говорить-то? Про погоду - глупо. Про любовь? Ну, уж нет! Вот почему не учат в школе самому главному?»

Они уже больше часа шли к проспекту дальней, окружной дорогой. Начинались сумерки. Жёлтым светом зажглись уличные фонари. Вдоль всего тротуара тянулась аллея высоких берёз. Их голые тонкие ветки свешивались под тяжестью сверкающих замёрзших капель. Свет преломлялся в этих каплях и образовывал разноцветные круги, похожие на маленькие радуги. Такое явление редко встретишь. Нужно, чтобы утром долго шёл дождь, а вечером температура снизилась хотя бы до минус пяти.

Не говоря ни слова, Сергей и Алёнка остановились.

Алёнка обняла его за шею. Её тёплые, нежные ладони заскользили сначала по Серёгиной шевелюре, по затылку, потом прошли мимо ушей и остановились где-то посередине: на его красных щеках и на шее. С закрытыми глазами она сначала прикоснулась губами к холодной Серёгиной щеке. Её тёплое дыхание, почему-то пахнувшее топлёным молоком, приятно щекотало только появляющийся пушок на его скулах и подбородке. Лёгкий озноб, учащённый пульс. Казалось, что все поры на коже лица широко раскрылись и с наслаждением вдыхают Алёнкины запахи. Её опустившиеся на щеки длинные ресницы сразу забрали весь жар его губ. Он принялся их целовать быстро-быстро, ничего не соображая. Лишь потом он остановился на мгновение, опомнился и крепко поцеловал её в губы...

Никакого особого чувства у него это не вызвало. Он даже не отдавал себе отчёта в том, что это не она, а он её поцеловал. Значительно приятнее было прикосновение её ладоней и ресниц. А поцелуй? Ну, во-первых, он больше думал о том, как бы выполнить всё правильно. Как учили... А уж потом чувства, ощущения и тому подобное. Он почему-то вспомнил «Мадам Бовари» Флобера. Одна пяточка мелькнёт или полоска голого тела между рукавом и

перчаткой... Всё, этого достаточно. А поцелуй! Слишком сильно. Забивает чувства. Зашкаливает...

Алёнка мягко отодвинула Серёжку, поправила сначала свой шарф, потом его шапку, съехавшую набок, улыбнулась, и ему стало так легко, как будто всё это время он таскал какую-то тяжесть, а теперь взял и скинул лишний груз. Он ещё вспомнил о Лисочкине с его штангами: «Вот дурак-то!»

Они вдруг заговорили разом и об одном и том же, быстро, не ощущая никакой тяжести в общении, как когда-то, в первом или третьем классе. Обсудили всех одноклассников и всех преподавателей. Богданову показалось, что Алёнка слишком интересуется Юркой и ещё тем, как это Вовка Спивак так здорово знает алгебру и как его любит математичка. Весь остальной путь до своего дома она говорила про свою будущую четвёрку в четверти. Какой, мол, это ужас, и как её будут ругать родители.

Из-за поворота показался Алёнкин дом. Пошёл снег. Его мягкие, пушистые хлопья попадали ей на ресницы, надолго задерживались там, наверное, мешая ей смотреть, потом всё-таки таяли от тепла её глаз и тонкими ручейками стекали по щекам. Казалось, что Алёнка плачет... Этот же снег накрыл замерзшие капли на ветках берёз, и свет фонарей больше не преломлялся в них всеми цветами радуги...

На лестничной площадке, около окна и тёплой батареи, они поцеловались ещё раз, потом ещё и ещё... Серёжка был счастлив.

Он вернулся в свой двор, и там, как будто по заказу, для него звучала новая песня: «Этот сумрачный белёсый свет, то ли есть, то ли нет, и стоим с тобою рядом мы на пороге тьмы...»

